

— Делай то, что считаешь правильным, и принимай любые последствия, если совесть чиста. Так ведь? — Эти слова, казалось, должны были принадлежать Хэ Е, но произнёс их Чжоу Синь, точно описывая выбор, который сделал Хэ Е. Тот в ответ лишь горько усмехнулся, будто готовясь к надвигающейся буре. — Раз ты знаешь мой выбор, к чему тогда была эта встреча?

Хуан Ган пришёл в полное недоумение:

— Ты спятил? Или у тебя есть другой план?

Не только он — в душе Чжан Жань теснились те же мысли. Она не отрываясь смотрела на Хэ Е, ожидая ответа.

Хэ Е горько усмехнулся, но, прежде чем он заговорил, Чжоу Синь уже вклинился:

— Честно говоря, и мне хочется узнать, до какой же степени я могу пасть.

Одно это слово — «и» — обнажило всю сложность душевного состояния Хэ Е, который и сам себя до конца не понимал. Он посмотрел на Чжоу Синь со смешанными чувствами, а тот в ответ тоже устремил на него взгляд. Вдруг Чжоу Синь испытал невольное уважение к Хэ Е: даже следуя этому саморазрушительному порыву, тот сумел не переступить черту, не поступиться моралью, не отступить от принципов и не изменить своей цели.

Чжоу Синь поднялся, подошёл к стулу Хэ Е и, наклонившись к его уху так, чтобы слышали только они двое, тихо произнёс:

— Не бойся. Я не собираюсь сломать тебя этим. Я не сделаю тебе слишком больно — вдруг ты очерствеешь и перестанешь чувствовать всю остроту страданий. — В глазах Чжоу Синь мелькнула хитринка, а в голосе прозвучала давно забытая ненависть. — Ты должен понять: есть боль, которую я хочу разделить с тобой. Каждое мгновение, каждую секунду, всю свою жизнь ты не сможешь от неё убежать.

Хэ Е вздрогнул, глядя, как Чжоу Синь с невозмутимым лицом возвращается на своё место. Его голос вновь стал ровным и спокойным:

— Использовать чувства юной девушки, играть с её телом... Закон, может, и не накажет, но вот родители твои, пожилые уже люди, выдержат ли такое? Тебе-то всё равно, но неужели тебя не волнуют их чувства?

Хэ Е остался непоколебим:

— Даже если они узнают, они поверят своему сыну.

Чжоу Синь парировал:

— Тогда им останется лишь смотреть, как их сына опорочили и лишили будущего. Кроме веры, они ничем не смогут ему помочь.

Хэ Е горько усмехнулся, глядя на Чжоу Синь:

— Ты же хотел, чтобы я страдал вместе с тобой? Что ж, пусть будет так. — С этими словами он встал, намереваясь увести Чжан Жань.

— Постой! — Чжоу Синь тоже поднялся, преграждая ему путь, и понизив голос, сказал:

— Я не хочу причинять им вред. Я просто хочу, чтобы ты отступил. Как ты можешь быть таким безжалостным?

— Это вопрос принципа. Мне нечего добавить. Я верю, что мои родители способны всё понять и всё вынести. — Хэ Е усмехнулся уголком губ. — Ты боишься, господин Чжоу?

Чжоу Синьши нахмурился, не отрывая от него взгляда.

— Тебе не страшно проиграть этот процесс. Ты боишься, что он вообще начнётся? — осторожно предположил Хэ Е. — Если дело дойдёт до суда, твой отец всё узнает. Так?

На самом деле Чжоу Синьши защищал не только Хуан Гана. Ещё важнее было уберечь отца. Он ни за что не мог допустить, чтобы дело дошло до суда, чтобы отец узнал правду. Поэтому, даже если для этого приходилось идти на подлость, он шёл до конца.

— Отлично, — Чжоу Синьши не разозлился, а лишь усмехнулся, и голос его стал ещё мягче. Он задал три вопроса подряд:

— А родители Мэньюй тоже способны всё понять и всё вынести? Увидев подобные доказательства, они всё ещё смогут верить, что ты, Хэ Е, не стал причиной того, что их дочь ушла из жизни с незакрытыми глазами?

Хлопок!

Резкий звук.

Рука Хэ Е замерла в воздухе. Он впервые в жизни сам поднял руку на другого. Он не ожидал, что Чжоу Синьши опустится так низко, что станет угрожать тем, кого трогать нельзя ни при каких обстоятельствах.

Получив пощёчину, Чжоу Синьши не проявил и тени гнева. Он лишь потупился, и на губах его застыла горькая усмешка. Это был его последний козырь, и козырь обоюдоострый, ранящий не только противника, но и его самого. Всего несколько минут назад он говорил о совместных страданиях, и теперь слова его сбылись с пугающей скоростью. Молча, он остановил Хуан Гана, который в ярости бросился было к Хэ Е.

— Я согласна! — раздался полный боли голос Чжан Жань. Она смотрела на каждого из присутствующих.

Дождавшись наконец этого ответа, Чжоу Синьши почувствовал, как камень свалился с души. Вся эта долгая подготовка, весь этот спектакль — с самого начала его целью была Чжан Жань.

Если взглянуть с одной стороны, у Хэ Е не было слабостей. Он никогда не поступился бы принципами, даже если бы это стоило ему невыносимой боли. Чжоу Синьши отлично понимал: угрозы и посулы на такого человека не действуют. Но Чжан Жань была другой. Всё, что Чжоу Синьши сегодня проделал с Хэ Е, в конечном счёте было направлено на неё. Именно поэтому он так настаивал, чтобы она пришла.

— Но разве мисс Чжан может решать за адвоката Хэ? — спросил Чжоу Синьши.

Чжан Жань долго молчала, обдумывая, а затем медленно произнесла:

— Решать за Хэ Е я не могу. Но я — сторона в этом деле, и моё решение тоже имеет вес.

— В таком случае я искренне благодарен.

— Не нужно притворной благодарности, — с презрением бросила Чжан Жань. — Я делаю это не для тебя. — Она невольно взглянула на Хэ Е, и её резкий тон мгновенно смягчился. — Я знаю: если для наказания негодяев придётся причинить боль хорошему человеку, Хэ Е будет страдать. А я не хочу, чтобы он страдал. — Она с нежностью позвала:

— Хэ Е... Если есть сомнения, лучше ничего не делать.

Хэ Е молча опустил голову. Прошло немало времени, прежде чем он с искренним сожалением сказал Чжан Жань:

— Прости.

Чжан Жань тихо покачала головой, с трудом выдавив улыбку:

— Не извиняйся. Я... я никогда и не видела в тебе просто адвоката...

— Женщины всегда формулируют изящнее нас, мужчин, — съязвил Хуан Ган.

— А ты вообще мужчина? — парировала Чжан Жань, и в её голосе звучал вызов. — Хэ Е проигрывает вам не потому, что слабее. А потому что он готов жертвовать только собой, но не другими. — Она нарочито перевела взгляд на Чжоу Синьи. — Ради себя же вы готовы на всё, даже на самое низкое. Вы и людьми-то не заслуживаете называться, не то что мужчинами.

— Хочешь проверить, мужчина я или нет? — без тени смущения огрызнулся Хуан Ган, и в нём не осталось и следа от того мягкого и заботливого человека, каким он был несколько дней назад. — Пойдём ко мне, я тебя хорошенько научу, а потом ты сама расскажешь мне, что такое «низкое».

— Бездарь! — вскочив, выругалась Чжан Жань.

— Может, проверим прямо сейчас? — Хуан Ган сделал шаг вперёд, но Хэ Е оттянул девушку за спину и с холодным презрением спросил:

— Ты закончил?

— Она дожила до таких лет, а до сих пор не знает, что такое воспитание? — холодно парировал Хуан Ган. — Если ты позволяешь ей так оскорблять людей, я не против взять на себя труд её проучить.

— Я слышан, что господин Хуан большой специалист по «обучению» женщин, — с сарказмом ответил Хэ Е. — Но Жань ещё совсем ребёнок. Не стану утруждать тебя. — Он перевёл взгляд на Чжоу Синьи. — Вы добились своего. Что ещё вам нужно?

Не дожидаясь ответа, Хэ Е взял Чжан Жань за запястье и направился к выходу.

Такой человек, как Хэ Е, даже потерпев поражение, не станет ни молить, ни жаловаться. Он всегда сохранит достоинство и с лёгкостью развернётся к уходу.

Чжоу Синьи не удержался и бросил ему вслед:

— Ты благородный человек. Только благородный способен знать, что делать, а что — нет, и думать о других.

Услышав это, Хэ Е, уже стоявший у двери, тихо, но отчётливо произнёс:

— Все, кроме тебя, думают о других.

Он уже взялся за ручку, когда почувствовал, что его пальцы разжались. Чжан Жань выдернула руку и вернулась в комнату. Хэ Е нахмурился:

— Жань, пошли...

Но Чжан Жань, словно не слыша его, подошла к столу и, глядя прямо на Чжоу Синьи, сказала:

— Вонзить в человека нож, а потом с восхищением сказать: «Какой же ты смелый, даже не плачешь», — и вонзать снова и снова. Даже если тебе не стыдно, разве тебе самому не смешно?

<http://bllate.org/book/15947/1425605>